

Гностический миф в творчестве Веры Полозковой

В докладе рассматриваются гностические реминесценции в творчестве современного молодого автора Веры Полозковой. Наследуя традициям Серебряного века, Полозкова использует в своих стихотворениях детали гностического мифа – от заключенной в тюрьму царевны, воплощения Софии Ахамот, до отождествления души человека с магическим камнем, геммой, которая использовалась раннехристианскими гностиками, по мнению исследователя А. Рычкова, для сопровождения умерших в мир иной.

Gnostic myth in the works of Vera Polozkova

The report examines the Gnostic reminiscence in the works of contemporary young author Vera Polozkova. Inheriting the tradition of the Silver Age, Polozkova uses in her poems the details of the Gnostic myth - from a prisoned Princess, Sophia Achamoth's embodiment, to the identification of a man's soul with a magic stone (a gem) that was used, according to the researcher A. Rychkov, by early Christian Gnostics to accompany the dead person to the other world.

В диалоге «Тимей» Платон пишет: «То, что бог уделил пророческий дар человеческому умопомрачению, может быть бесспорно доказано: никто, находясь в своем уме, не бывает причастен боговдохновенному и истинному пророчеству, но лишь тогда, когда мыслительная способность связана сном, недугом либо неким приступом одержимости. Напротив, дело неповрежденного в уме человека - припомнить и восстановить то, что изрекла во сне либо наяву эта пророческая и вдохновленная природа, расчленив все видения с помощью мысли и уразуметь, что же они знаменуют - зло или добро - и относятся ли они к будущим, к минувшим или к настоящим временам. Не тому же, кто обезумел и еще пребывает в безумии, судить о собственных видениях и речениях¹!». Эта цитата может служить смысловым эпиграфом к нашему докладу, поясняя то, почему поэты обречены на пророчества, которых не в состоянии понять.

Молодая сетевая поэтесса Вера «vero4ka» Полозкова, которая стала особенно известна в профессиональном сообществе после вручения ей премии «Неформат» (2008) и скандала с ним связанного² до сих пор не

¹ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 3. М.: «Мысль», 1994. Перевод С. С. Аверинцева. URL: <http://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/timaios.htm>

²См. запись в блоге критика Евгения Вежлян, касающуюся темы «поэт ли Вера Полозкова»? URL: <http://vejlyan.livejournal.com/193533.html>

обладает достаточной легитимностью. Вера пытается уйти в смежные жанры – театр, рок-музыку и геопэотику путешествий, но вопрос о том, является ли она поэтом, до сих пор, пожалуй, открыт.

Что отделяет истинного поэта от рифмоплета? Можно предположить, что метафизика, духовное озарение, важное не для него одного, но для какого-то значимого количества людей. Естественно, что в нашей патриархальной культуре резонанс между читательницами блога и книг Полозковой не является достаточным основанием для причисления к поэтическим небожителям. Поэт всегда немного жрец, но смогла ли vero4ка стать Верой, даже если и маленькой?

Метафизическое основание поэзии Веры Полозковой мы находим в первом стихотворении из сборника «Фотосинтез³».

*Или даже не бог, а какой-нибудь его зам
поднесет тебя к близоруким своим глазам
обнаженным камушком, мертвым шершнем...*

В нем идет речь о том, как после смерти душа человека попадает в иной мир. Несколько раз кроме процитированного выше подчеркивается, что герой стихотворения превратился в камень, настолько небольшой, что его можно перебирать в ладонях: «покатает в горсти, поскоблит тебя с уголка», «человеческий, весь в прожилочках, минерал». Эта ситуация для объекта перебирания кажется неожиданной, но финальные строки подчеркивают, что с ним это уже случилось не один раз:

*что-то ты глядишь изумленно слишком
будто бы ни разу
не умирал...*

Подобное удивление лежало и в основе научного открытия, касающегося гностического крещения, которое было сделано не так давно исследователем гнозиса Александром Рычковым. Работая над ключевым для этого религиозного мировоззрения трактатом «Пистис София» и 4-й книгой Йеу, Рычков обратил внимание на то, что Иисус протягивает свои ученикам некие цифры, за что они очень благодарят и уходят с миром. Смысл этих цифр был неясен, но исследователь высказал предположение, что таким образом

---

³ Полозкова В., Паволга О. Фотосинтез. — М.: Livebook/Гаятри, 2008. — 112 с.

происходило гностическое крещение. В современных переводах эти места остаются неясны и слово «псефос», которое А. Рычков предложил интерпретировать как числовое изображение имен гностических божеств, вырезанных на геммах из полудрагоценных камней, переводится в настоящее время как шифр, номер, число.

Таких гемм найдено великое множество, на части из них только имена, на других имена сопровождаются изображениями, к примеру Абраксаса (человека с головой петуха и ногами змеи), Хнубиса (змеи со львиной головой), Иао (ребенка, сидящего на лотосе). Считается, что эти геммы использовали в магических целях – для привлечения богатства, удачи, сохранения здоровья и излечения от недугов. Но предположение о том, что они использовались для гностического крещения, коренным образом меняет наше представление об этих артефактах и о сущности гностического мировоззрения. По сути дела эта гипотеза переворачивает многое, восстанавливая утраченную связь между многочисленными магическими геммами и гностическим крещением. Подобно тому, как если бы, исследователь установил, для чего использовались нательные кресты в случае, если бы гностицизм победил христианство в начале нашей эры и его артефакты спустя две тысячи лет представляли бы для нас точно такую же загадку.

Известный ученый, переводчик коптских гностических текстов Бенгли Лейтон в главке своей книги переводов наиболее важных гностических трактатов, посвященной гностическому крещению высказывает свое мнение, которое может быть признано каноническим для современной науки. Лейтон пишет о том, что во время церемонии крещения кандидат «освобождается от темноты, надевает одежды света, омывается водами жизни, получает трон славы и увенчивается славой рождения, а в конце возносится к сияющему месту рождения⁴». В Евангелии Египтян он «облачается в имя Иисуса, а согласно Апокрифу Иоанна *гнозис* передается тогда, когда спаситель запечатывает кандидата светом воды пяти печатей. Эти пять печатей упоминаются во многих отрывках гностических евангелий как имеющие очень тесное отношение к гнозису, но из чего они состояли, не было понятно⁵».

Если следовать гипотезе А. Рычкова, то в гностическом трактате Книга Йеу (в переводе Мак Дермот) шифры или цифры в руках учеников Иисуса

---

⁴ Layton B. Historical introduction. // Layton B. The Gnostic Scriptures. NY., 1995. P. 19.

⁵ Ibidem.

оказываются камнями-оберегами, помогающими душе гностика пройти сквозь небеса архонтов Йалдабаота⁶. В этом смысле бог или его заместитель из стихотворения Веры Полозковой, подносящий к своим близоруким глазам «камушек», делает это в рамках гностических представлений о загробном путешествии души, реконструированных Рычковым.

Но тут возникает вопрос – откуда молодая поэтесса могла узнать такие тонкости религиозного символизма, которые неизвестны даже ведущим специалистам по теме и находятся на крае науки, на грани между гипотезой и ее одобрением сообществом? Вероятно, здесь речь идет о предзнании, предугадывании, пророческом видении поэта. В этом смысле на вопрос: «Поэт ли Полозкова?» следует ответить утвердительно, потому что в этом и состоит миссия поэта – чувствовать там, где другие знают, знать не умом, а сердцем.

Это стихотворение мы выделяем особо, но оно не единственное среди гностических стихотворений Веры, в которых можно проследить непосредственную связь с Серебряным веком. Так, стихотворение «Новые сказки» не принадлежит к отголоскам фольклорной традиции, как это могли бы подумать современные исследователи⁷, а продолжает мистические откровения русского Серебряного века.

Эпиграф стихотворения задает тон происходящему: «Живет моя отрада в высоком терему,/а в терем тот высокий нет хода никому». Лирическая героиня Полозковой – царевна, заточенная в темнице. Но реалии, которые описывает поэт, напоминают нам о современности: «Тебя не пустят – здесь все по спискам, а ты же международным сыском припилен в комнатки к паспортисткам, и все узнают в тебе врага; а я тем более суверенна, и блокпосты кругом, и сирены, беги подальше от цесаревны, уж коли жизнь тебе дорога». То, что героиня и в этой, современной ситуации остается «цесаревной» говорит нам о стержневой важности этого образа – он не изменяется, остается прежним, несмотря на меняющиеся декорации эпох.

Стихотворение подписано 2007 годом, автору был 21 год. Примерно столько же (23 года) было Александру Блоку, когда он дебютировал в печати с подборкой стихотворений в журнале «Новый путь», в которую входил стих «Царица смотрела заставки...», о двух дамах, одна из которых царица, другая – царевна. Дебют Блока был воспринят критиками крайне негативно,

---

⁶ Рычков А. Symbolarium «александрийской» глиптики Эрмитажа и ономастикум Pistis Sophia: к постановке вопроса о параллелях. Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 10. М., 2012. С. 121-122.

⁷ Елистратова К.А. Сказочный дискурс в поэзии Веры Полозковой. // Грани познания. №4 (14), 2011. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325226075.pdf>

положительных откликов не было, но отрицательные доходили до уничижительных пародий. В чем-то это можно сравнить с ситуацией с Верой Полозковой, которую интеллектуальные критики и литературный бомонд не принимают за поэта.

Как указывает М. Мурьянов, «В 1921 г. А. Слонимский, коснувшись стихотворения «Царица смотрела заставки...», провел аналогию: царица — это «соловьевская мудрая „змея“», Царевна — «соловьевская „голубка“» (1921, 283). Эту же мысль о «змеином знании», «гнозисе царицы» и «голубиной невинности царевны» четыре года спустя повторил С. Соловьев (1925, 15). Такая трактовка говорит об офитском гнозисе в соловьевской интерпретации⁸. Андрей Белый высказывал мнение о том, что царицей в этом стихотворении в каком-то смысле является сам поэт, в то время как царевной — его возлюбленная, Любовь Менделеева. При этом один из ближайших друзей и знатоков творчества Блока замечал: «Поразительно: какъ повторяется въ лирикѣ Блока лирическая философія Валентина: до мелкихъ штриховъ! <...> Царица — Премудрость, Царевна-же — Ахамоть <...> Все — такъ: и цвѣта (золотой, синій) — традиціонные цвѣта Мудрости <...> Томленье сопутствуетъ Ахамоть; но къ ней слетитъ Параклѣтова бѣлая птица... Но «око», которому вся протянулась Царевна — изъ нашего «окна» понявшаго синее око стезею гностической; да, загаданъ «духовный романъ» межъ Царевной и гностикомъ: и Царевна — Невѣста; она — Твои числа замолить, царица. Опять — почему? Лишь тогда, когда Ахамоть въ нашемъ сознаниі перенесется въ плѣрому, окончится міръ, міровая исторія, или послѣдствія неравновѣсія нѣкогда падшей царицы. Смотрите во что превращаются образы Блока, когда подойдете вы къ нимъ съ ключемъ гнозиса» (Белый 1922, 233—234)⁹».

Если применить анализ Андрея Белого к стихотворению Веры Полозковой, получится, что царевна в ее «Новых сказках о главном» — плененная в этом мире как в тюрьме София Ахамот, освободить которую пытается поэт-гностик.

«...Что бабка, согнутая к кошелкам, что зеленщик, что торговка шелком — все просияют, что ты пришел к нам, здесь очень рады таким гостям. И если даже — то здесь все строго; тут от порога одна дорога, вокруг на мили дремучий лес; забор высокий, высоковольтка, охраны столько, овчарок столько, что сам бы дьявол не перелез; и лазер в каждом из перекрестий

⁸ Мурьянов М. Ф. Литературный дебют Александра Блока. URL: <http://www.rvb.ru/philologica/03/03murianov.htm>

⁹ Там же.

напольной плитки; да хоть ты тресни; ну правда, милый, так интересней, почти военный ввела режим; я знаю, детка, что ты все помнишь, все одолеешь и все исполнишь, и доберешься, и ровно в полночь мы с хода черного убежим ».

Здесь мы имеем дело с тем же самым переворачиванием гендера, где поэтесса становится возлюбленным Софии (как у Блока, по мнению Белого, поэт становился Царицей перед лицом Царевны – Софии Ахамот). Инверсию, кстати, отмечает и К.А. Елистратова: «При сопоставлении с известными сказочными сюжетами становится очевидно, что Вера Полозкова с опорой на «чужое» создает «свой» модифицированный (инсценированный) сказочный дискурс, отличительной чертой которого является смена гендерных ролей (акциональность свойственна отнюдь не мужскому, а женскому началу¹⁰...)

Но было ли это заимствование символистских, пропитанных гнозисом стихов опосредованным или непосредственным? На наш взгляд очевидно, что такой срединной фигурой между современной молодой поэзией с эзотерическим (порой неосознаваемым до конца его носителями) бэкграундом и программными стихотворениями Серебряного века является рок-музыкант Борис Гребенщиков. Его влияние на поэзию Полозковой можно проследить как в прямых заявлениях поэта (Стихотворение «Ну и что, у Борис Борисыча тоже много похожих песен...», где имеется в виду Б.Б. Гребенщиков), так и в перефразе строк из его песен («Когда несут сакэ» у Б.Г. и «покуда несут сотэ» у Полозковой). Интересно, что в своем последнем сингле «Пришел пить воду», состоящем из двух связанных тематически между собой песен – той, что в заглавии альбома и «Голубиное слово» Борис Гребенщиков также ведет речь предположительно о гностическом крещении.

Напишите это слово на камне,
Раскрасьте его северным сияньем,
Наполните голубиной кровью
И забудьте навсегда, что оно значит;
Голуби возьмут его в небо,
Так высоко, что больше не видно,
И небо расколется на части,

---

¹⁰ Елистратова К.А. Указ. соч.

Но об этом никто не узнает...

Обратим наше внимание на «слово, написанное на камне». Лирический герой поясняет в конце песни, что это – «голубиное слово», то есть слово, записанное в Голубиной книге – той самой Священной книге, которую держит Царица в раннем стихотворении Блока, упомянутом нами выше:

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Если рассматривать эти песни вместе (а так обычно и исследуют рок-альбомы, как лирический цикл), то в первой идет речь о христианском крещении Водой, плохо удающемся в Москве (в рок-смысле Гребенщиков здесь наследует традиции Майка Науменко с его трагическими «Московскими блюзами¹¹», а во второй об успешном гностическом крещении с помощью надписи, содержащей божественное имя. Успешном в том смысле, что камень попадает на небо, для чего он и предназначен. Это крещение явно питерское по своей сути, ведь именно в Эрмитаже, по предположению Александра Рычкова, содержатся тысячи гностических гемм, одну из которых, возможно держал в руках сам Иисус из «Пистис Софии».

---

¹¹ Дайс. Е. Чужая столица. Юрий Андрухович "Письма в Украину", Майк Науменко "Blues de Moscou" // Дружба народов. №5, 2008. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/5/da17.html>